

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1.....	12
Глава 2.....	31
Глава 3.....	47
Глава 4.....	70
Глава 5.....	91
Глава 6.....	118
Глава 7.....	150
Глава 8.....	176
Глава 9.....	197
Глава 10.....	217
Глава 11.....	245
Глава 12.....	268
Глава 13.....	299
Глава 14.....	323
Глава 15.....	350
Глава 16.....	370
Глава 17.....	398
Эпилог.....	424

Пролог

— Эрвин, прошу, не надо! — В мою правую руку как клещ вцепился худощавый подросток с ярко-рыжей шевелюрой на голове и в точно такой же униформе, как и на мне, и с точно такими же серебряными узкими погонами на плечах с цифрой «2» на них. Я дернул рукой, пытаюсь стряхнуть своего однокурсника, но куда там. Он вцепился своими пальцами так, что, боюсь, синяки могут появиться на руке. Пришлось остановиться, потому что тащить на буксире такой якорь было, мягко говоря, затруднительно.

— Ты понимаешь, что если их сейчас не остановить, то это будет продолжаться бесконечно? — вздохнув, спросил я. — Или тебе нравится такое отношение с их стороны?

— Нет, конечно, не нравится, — парнишка с каким-то облегчением вздохнул и наконец-то отпустил мою руку. — Просто мой отец должен в скором времени получить повышение в департаменте, а сам знаешь, кто отец этого Фитца. Поэтому конфликт с ним может отразиться на моём отце и на всей нашей семье. Это тебе бояться нечего, а в моём случае всё по-другому. Так что я лучше потерплю немного. А там их компашка, глядишь, найдёт себе новое развлечение с кем-нибудь другим.

— Тьфу! — Я плюнул себе под ноги и пошёл в обратном направлении.

Кулаки отчаянно чесались от желания врезать кому-нибудь по морде. Впрочем, самый большой запал уже прошёл. В конце концов, если человек не против того, чтобы над ним издевались, чтобы ему в ранец подкидывали дохлую крысу, а только что отстиранной и выглаженной формой мыли полы в сортире, то это его и только его выбор. Хочет быть терпилой, так зачем этому мешать. Конечно, в данном случае затронута ещё и честь нашей учебной группы, но с этим я разберусь позднее и по-тихому. В открытую всё равно ничего не докажешь. Просто потому, что Фитц и его прихлебатели учились на элитном первом факультете кадетского корпуса, на котором обучались сыновья высокопоставленной аристократической элиты империи, а я, как и бедолага Пауль, на втором. Тут у нас, как говорится, и труба пониже, и дым пожиже. На нашем факультете учились в основном дети чиновников. Пусть занимающих довольно значимые посты, но всё же просто чиновников. Ну и я, до кучи, bastard герцога Арвида дель Вайсберга, советника и правой руки нашего императора. Почему я при этом учусь не на первом факультете с элитой, а на втором? Ну так на то я и bastard. Хорошо ещё, что папаша признал меня своим, пусть и незаконнорождённым, но всё же сыном, а не приказал вышвырнуть нас с матерью на улицу. Хотя в силу своего происхождения благородной приставки дель к фамилии я лишён. Да и фамилия моя сократилась до короткого Вайс.

Таким образом, позвольте представиться, я Эрвин Вайс, 15 лет, воспитанник Императорского кадетского корпуса. Учиться здесь мне ещё один год и дальше моя дорога напрямиком в военное училище. Такова была воля моего здешнего папашки. Почему здешнего? Тут всё просто и сложно одновременно. Дело в том, что я родился не в этом мире.

Когда-то, 10 лет назад, меня звали Андреем Фроловым и было мне тогда 38 лет. Родился я не просто

в России-матушке, а в самом, что ни на есть СССР, в 1986 году от Рождества Христова. Ну а дальше школа, служба в армии, институт. Свою вторую половинку я так и не встретил, хотя искал очень даже тщательно среди своих многочисленных подруг. В последние годы работал в довольно крупной компании на хорошей должности, увлекался военной историей. На этой почве познакомился с классными ребятами реконструкторами и участвовал в их мероприятиях. И всё было просто замечательно, пока однажды я не лёг спать в своей кровати, а проснулся уже в совершенно другом, мне абсолютно не знакомом месте. Да что там месте, я проснулся в совершенно другом теле. В теле пятилетнего мальчишки, который упал с вдруг понесшей лошади и, судя по всему, душа его покинула этот бранный мир. Ну а моя, соответственно, заняла пустующее место. Вот такая вот получилась петрушенция.

10 лет назад...

— Андрюх, да забей ты! — Серёга наполнил мою рюмку до краёв, и я её тут же опрокинул в себя, совершенно не чувствуя вкус алкоголя, затем поставил пустую тару рядом с бутылкой, показывая глазами, что нужно повторить.

— Нет, реально, завязывай уже! — мой друг детства возмутился, но посуду наполнил.

— Ты не понимаешь, Серый, — уже изрядно заплетаящимся языком произнёс я, — я же её по-настоящему любил. Я же уже кольцо собрался покупать, чтобы предложение сделать, и вот...

Да, это была настоящая драма. Увидеть девушку, которую считал своей и с которой собирался связать всю свою жизнь, страстно целующейся с каким-то мажором, который при этом по-хозяйски лапает её. И самое дерьмовое в этом то, что она даже не стала отрицать и как-

то пытаться оправдаться. Лишь хмыкнула с усмешкой и произнесла что-то вроде «ачётакова?». И ладно бы я был каким-то там уродом или жмотом. Нет, я всегда относился к ней с нежностью и вниманием не обделял, не говоря уже о подарках, благо вполне себе приличный доход позволял и хорошую квартиру иметь, и недешёвую иномарку, и поездки в тёплые страны раз, а то и два раза в год. Но нет, она посчитала всё это недостаточным. Видимо, до поры до времени я был ей просто удобен, а как подыскался более лучший, с её точки зрения, вариант, то надобность во мне тут же исчезла. От этих горьких мыслей я уже сам потянулся за бутылкой и, что закономерно, столкнул её на пол. На звук упавшей тары с остатками алкоголя на кухню заглянула Наталья, жена моего друга.

— Так, мальчики, вам уже хватит и пора ложиться спать. Серёж, я Андрею на диване в зале постелила. Давайте закругляйтесь и в люлю.

— Не-не-не! — запротестовал я, мотая головой. — Натах, я домой. Мне и правда хватит. Вы мне только такси вызовите.

— Серёж, ты же не пил? Отвези его сам домой и проследи, чтобы спать лёг, а не пошёл дальше догоняться.

Ну по поводу догоняться, это Серёгина супруга зря. Я если сказал, что мне хватит, то значит, так оно и есть. И ничто не в силах сбить меня с этого. И сплю в таком состоянии я всегда исключительно у себя дома. Тот же Серёга всегда со смехом говорит, что у меня включается внутренний автопилот, который уверенно ведёт меня ровно до паласа в моей спальне. Стоит только ноге почувствовать мягкость родного ворса, как автопилот вырубается, а вместе с ним вырубается и я. Пару раз прямо на том самом паласе спал.

Как мы доехали на другой конец города и как поднялись в квартиру, я почти не запомнил. Так, пьяные ту-

манно-мутные обрывки реальности иногда проникали в сознание. Более-менее что-то осознавать я начал уже у себя дома. Раздевшись с помощью друга, я завалился в кровать и последнее, что услышал, проваливаясь в вязкую трясиину пьяного сна, это звук закрывающейся входной двери. Впрочем, сном это назвать было трудно. Какое-то пьяно-серое марево, которое начало вначале чуть заметно, а потом всё быстрее и быстрее крутиться, казалось, в самой голове.

— «Вертолётны начались», — успел подумать я, когда к горлу внезапно подступил горько-кислый комок. Я, не открывая глаза, резко, насколько это было возможным в моём состоянии, перевернулся на бок к краю кровати и вдруг почувствовал, что падаю в эту самую серую круговерть. Сердце бешено застучало в груди, и я невольно сгруппировался, ожидая очень скорого свидания с полом, но падение и не думало прекращаться. Хорошо хоть тот тягучий горький комок в горле передумал проситься наружу и затаился где-то внутри организма. И это был единственный положительный момент, потому что движение куда-то вниз всё убыстрялось и убыстрялось. Впрочем, может, мне это лишь казалось в пьяном бреде? Я сделал попытку открыть глаза и хоть и не сразу, но у меня это получилось. Лучше бы я этого не делал. Я действительно падал. Падал в самое сердце этой серой мглы, изредка освещаемой всполохами света, словно кто-то там, за этим непроглядным пологом, работал с электросваркой.

Не знаю, сколько времени продолжалось это моё падение-полёт, по моим ощущениям пару часов точно, но в какой-то момент я вдруг понял, что не чувствую биения своего сердца. Вот только что оно нещадно молотило, разгоняя по крови адреналин, а сейчас внутри было пусто и... могильно тихо. Я что, умер? Да ну, нафиг! Я же мыслю, а следовательно, существую. Хотя кое-кто утверждает, что после своей смерти человек ещё какое-

то время всё слышит и всё воспринимает, но реагировать уже не может. Но я-то могу поворачивать голову в разные стороны, могу видеть и анализировать увиденное. Хотя на что тут смотреть? Разве что вон на ту приближающуюся яркую точку, которая стремительно росла в размерах. Блин! Да меня реально несёт прямо на неё! Это что, тот самый пресловутый «свет в конце тоннеля», который якобы видят люди в момент смерти?

Яркая точка тем временем превратилась в сияющее ослепительным светом кольцо, сквозь которое я пролетел. Нет, ни райские кущи, ни ряды адских котлов и сковородок с кипящим маслом не выстроились передо мной. Зато подо мной была равнина со стоящим на ней большим, я бы назвал это именем, со всеми подбавляющими ему постройками, шикарным и красивым, особенно при виде сверху, парком, и большим прудом с островком и стоящей на нём беседкой. Где-то чуть в стороне протекала довольно полноводная река, на берегу которой расположились добротные дома то ли небольшого городка, то ли крупной деревни. Хотя, скорее всего, всё же городок. Не думаю, что в деревне будут мощёные улочки и центральная площадь с фонтаном.

На какой-то миг я завис над всем этим великолепием и только тут осознал, что не чувствую своего тела. От слова совсем. Я был бестелесным духом. И почему-то осознание этого меня не особо взволновало. Как говорится, и так жить можно. Наверное.

Не успел я порадоваться своему новому, так сказать, облику, как меня неведомая сила потянула в сторону того самого имени. Попытался сопротивляться, но не тут-то было. То ли силёнок у меня маловато, то ли просто сопротивляться ТАКОМУ абсолютно бессмысленно, но крыша пристройки приближалась ко мне со скоростью скоростного поезда. Я хотел было закричать, но тоже не смог. Бестелесные духи, знаете ли, вообще ребята молчаливые. Ну и я теперь тоже в их числе.

Пролетев сквозь крышу, покрытую черепицей, и сквозь потолок, я влетел в небольшую комнату и замер над кроватью, на которой лежал маленький мальчик лет четырех-пяти. На его голове была повязка из бинтов. Мертвенно-бледное лицо почти сливалось с таким же белоснежным покрывалом, которым он был укрыт по грудь. Рядом с кроватью на полу на коленях стояла молодая женщина и, держа обеими руками ладонь ребёнка, что-то шептала, не замечая льющиеся из глаз слёзы. Что именно она шептала, расслышать было невозможно, но очень похоже было, что молитву. Мальчик неровно дышал, даже скорее всхлипывал. Видно было, что он из последних сил держится за жизнь, но сил этих у него уже не осталось. Вот он судорожно всхлипнул и тут же обмяк. Женщина надрывно закричала и, схватив ребёнка, что есть силы прижала к себе. А меня вдруг потащило напрямик к ним. Вначале медленно, а потом рывок, и я застонал от дикой боли, что, казалось, жгла огнём всё моё тело. Моё тело? Я открыл глаза и с удивлением увидел прямо перед собой изумлённое лицо той самой женщины. На этом сознание меня окончательно покинуло.

Глава 1

Я открыл глаза и не узнал обстановку вокруг себя. Надо мной был деревянный потолок, украшенный резьбой. И это не был потолок моей спальни в честно заработанной трёшке. Внезапно в голове словно что-то щёлкнуло, и я вспомнил всё, что произошло. Похоже, я всё же умер, но каким-то образом попал в новое тело, и теперь меня окружало что-то новое, странное, непонятное.

Я попытался сесть, но почувствовал боль, огнём полыхнувшую в груди и в голове. Вместе с болью пришло понимание, в чём теле я теперь нахожусь. «Эрвин», — промелькнуло в голове, и я внезапно осознал, что это теперь моё имя. Это было нелепо, абсурдно, но моё новое тело было маленьким и хрупким. Чуть повернув голову, я увидел своё отражение в большом зеркале, стоящем почти напротив кровати. На меня оттуда смотрел пятилетний мальчик с густыми тёмными волосами, крупными зелёными глазами, в которых отражались одновременно растерянность и удивление.

В этот момент дверь тихо скрипнула и в комнату вошла уже виденная мной молодая женщина. Её движения были плавными, а лицо спокойным, излучающим добрый свет. Длинные каштановые волосы каскадом спускались по её плечам, подчёркивая мягкие черты лица, а глаза глубокого карего цвета источали беско-

нечную доброту. Она была одета в простое, но изящное платье пастельного оттенка, что ещё больше создавало впечатление лёгкости и спокойствия.

— Эрвин, ты уже проснулся? — тихо, и даже с некоторым испугом, словно боясь спугнуть увиденное, произнесла она, бросившись к кровати. Странно, говорила она явно не на русском языке, но я всё прекрасно понял. Её голос был хоть и встревоженным, но всё же мягким, словно шелест листьев и, казалось, успокаивал мою душу своей теплотой.

Я молча кивнул, поморщившись от боли и всё ещё до конца не осознавая реальность происходящего.

— Ма-ма, — пробормотал я неосознанно, и это слово показалось мне странным. И не столько от того, что сказано оно было на другом, не родном для меня языке. В конце концов это слово, наверное, звучит одинаково во всех уголках Мироздания. Странно было воспринимать вот эту женщину, которая намного младше меня того, прежнего, как свою мать. И вырвавшееся слово было, скорее, реакцией памяти её родного сына, чья душа покинула этот мир и чьё место в этом теле занял я.

Женщина улыбнулась, садясь на край кровати и наклоняясь ко мне. Её ладонь легла мне на лоб, проверяя температуру, и я почувствовал тепло и заботу, исходящую от этого прикосновения.

— Тебе нужно больше отдыхать, — тихо произнесла она, нежно поглаживая мои волосы. — Ты серьёзно пострадал, но я очень рада, что ты, наконец, пришёл в себя.

— Что... со... мной... случилось? — через силу выдавил я из себя. Всё же думал-то я по-русски, а слова сами собой произносились на ранее неизвестном мне языке. Тяжеловато пока было собрать все мысли в кучу.

— Ты упал с лошади, мой милый. У тебя была тяжёлая травма и лекари долго боролись за твою жизнь, — она мягко улыбнулась, но в её глазах мелькнула тень беспокойства. — Мне в какой-то момент показалось, что

я потеряю тебя. — Она нежно обняла меня, прижав к груди. Я почувствовал упавшую мне на шеvelюру слезу.

Я смог наконец-то осмотреться вокруг, замечая детали комнаты. Высокие стены из массивного тёмного дерева были украшены резьбой в виде виноградных лоз и цветов. Узкое окно с толстым стеклом пропускало слабый свет, мягко освещая всё вокруг. На столе стояли подсвечники, оплывшие остатки множества свечей свидетельствовали о долгих ночах, которые кто-то проводил у моей кровати, судя по всему, не покидая своего поста даже на минуту. Тяжёлый занавес цвета вина на окнах едва приподнимался от сквозняка, приоткрывая вид на сад снаружи.

Женщина снова заговорила, прерывая мои размышления.

— Я всегда считала, что тебе рано ещё совершать прогулки верхом, но ты такой же целеустремлённый, как и твой отец, — она вздохнула, но её голос не терял мягкости. — Но ты должен помнить, что я всегда буду рядом, что бы ни случилось.

Я внимательно посмотрел на неё, пытаюсь найти слова, чтобы выразить свои мысли. Мне хотелось сказать ей, что я другой, что не тот, кого она знала, но слова, готовые сорваться с языка, буквально застряли в горле. Страшно представить, как отреагирует мать на то, что её ребёнок умер, и вместо него в его теле поселился взрослый мужик. Вместо этого я практически по слогам произнёс:

— Спа-си-бо, ма-ма...

Она погладила меня по щеке, прижимая мою руку к своей.

— Я всегда буду с тобой, Эрвин. Даже если ты почувствуешь, что мир стал чужим и всё против тебя, помни, что у тебя есть я.

Мы молчали какое-то время, и это молчание наполнило меня спокойствием. Я посмотрел на мать Эрвина, и вдруг душа наполнилась спокойствием и нежностью по отношению к ней.